

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-51-63

УДК 1(091)(47) + 821.161.1(091)

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РАЗВИТИЕ РЫЦАРСКОГО ИДЕАЛА Н.А. БЕРДЯЕВА

Бойко Владимир Анатольевич,

кандидат культурологии,

доцент Института философии и права

Сибирского отделения РАН,

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: 0000-0002-0365-5171

vboyko100@gmail.com

Аннотация

Идеал рыцаря оказывает существенное влияние на творчество Н.А. Бердяева. С возрождением рыцарского духа он связывает обновление христианства и всех сторон общественной жизни, грядущую рыцарскую войну за освобождение личности он противопоставляет ложным формам социальной борьбы. В статьях, посвященных Первой русской революции 1905–1907 гг., Бердяев рассматривает актуальные проблемы современного мира в контексте российской действительности. Сущность ожидаемого им морального переворота русского общества он связывает с понятием *ответственность* и подчеркивает, что чувство личной ответственности произрастает из того же морального корня, что и чувство коллективной ответственности за судьбу своего народа и общества. Бердяев верит в великую историческую миссию России – стать соединяющим звеном между Востоком и Западом, объединить в единое целое два потока мировой истории. Во имя осуществления этой миссии русское общество должно преодолеть многовековую дикость и отсталость, приобщиться к мировой цивилизации. Идея рыцарского служения и образ рыцаря имеют непреходящее значение в истории становления личностного начала. Великая миссия России требует качественных изменений национального сознания и бытия. В русском человеке должен быть реализован идеал ответственной творческой личности, рыцарский идеал.

Ключевые слова: русская философия, ответственность, личность, нация, Россия, история, богочеловечество.

Библиографическое описание для цитирования:

Бойко В.А. Первая русская революция и развитие рыцарского идеала Н.А. Бердяева // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2, т. 1. – С. 51–63. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-51-63.

Рыцарский идеал Н.А. Бердяева, формирование которого мы проследили в своих предыдущих статьях [14, 15], оказывал существенное влияние на различные аспекты творческой деятельности русского мыслителя и публициста, обретал «плоть и кровь» в той борьбе с мировым злом и подлостью торжествующего мещанина, что Бердяев вел на протяжении большей части своей жизни. Распрошавшись с марксизмом и погрузившись в проблематику «нового религиозного сознания», Бердяев отстаивает приоритет универсальной объективной божественной воли, указывает на необходимость обновления христианства и всех сторон общественной жизни, связывает грядущее религиозное возрождение исключительно с развитием личностного начала. Рыцарский идеал Средневековья он соотносит с современной эпохой, грядущую рыцарскую войну за освобождение личности противопоставляет современным ему ложным формам социальной борьбы.

События Первой русской революции 1905–1907 гг. побудили Бердяева пристально всмотреться в особенности социального и культурного развития России, ставшие причиной кризиса и поражения революции. Во введении к книге «Духовный кризис интеллигенции» (1909 г.) он четко формулирует свое отношение к кризисным явлениям в общественной жизни: «Я твердо стою на том, что всякий серьезный кризис с социальной и политической своей стороны является лишь поверхностью, лишь производным, корни же лежат в духовной и таинственной глубине бытия, а потому и выход из кризиса связан с перерождением этих глубин» [4, с. 9]. Выход из кризисного положения России, говорит Бердяев от имени участников сборника «Вехи», предполагает кардинальные изменения общественного мировоззрения, в его основу следует положить «идею личности и идею нации взамен идей интеллигенции и классов»: «Для возрождения России существенно важно, чтобы каждый сознал себя человеческой личностью в абсолютном ее значении и членом нации в абсолютном ее предназначении, а не интеллигентом или представителем того или иного класса» [Там же, с. 10]. В статьях, собранных воедино в этой книге, Бердяев, как правило, «опрокидывает» актуальные проблемы современного мира в контекст российской действительности.

В статье «К психологии революции», написанной в 1907 г., в год, когда крах революции стал очевидным, отечественный мыслитель диагностировал болезни, разъедающие русское общество: деградацию души русского народа, забвение личности, моральную анархию, нигилизм и утилитаризм. «Революция приподняла покров русской общественности, и обнаружилась гниль, тело России покрылось сыпью от болезни, унаследованной от веков рабства и деспотизма. Внутренних устоев почти что нет, скрепка оказалась внешней, механической, только поддерживавшей внутреннюю

болезнь. <...> Подрастает хулиганское поколение, которое не знает закона высшего, чем самоутверждение. <...> Окончательно потерялось сознание ценности человеческой жизни, и неуважение к личности достигает размеров чудовищных» [8, с. 51]. Индивидуализм и субъективизм не обошли стороной наше Отечество. Русский человек утверждает себя вне Бога, подменяет собой органический центр бытия, и от этого самоутверждения человеческой воли идет «гнилой трупный запах», ведь «без Бога не может жить народ, разлагается человек» [Там же, с. 58, 65]. На смену «беснованиям революции» идет «новое беснование, беснование реакции»: «Бесы вселились в больное тело и больную душу России, и переселяются они из реакции в революцию, из революции в реакцию. Это – всё те же бесы, принимающие то обличье реакционное, то обличье революционное. <...> И там, и здесь одинаковая одержимость: точно люди находятся во власти какой-то внечеловеческой силы, искажающей их человеческие черты» [2, с. 89], – пишет Бердяев в статье «Большая Россия» (1908 г.). Так Россия расплачивается за тяжелые грехи прошлого, грехи власти и грехи народа; и реакция, и революция – этот «кошмар человеческой жизни» есть кара, ниспосланная свыше. Для преодоления «порочного круга реакций и революций» необходимо осознание совершенных и властью, и народом преступлений, покаяние, возрождение нравственного чувства; перелом течения болезни и последующий «здоровый органический рост» «заслуживается лишь чистотой сердца народного и кристаллическим сознанием различия между добром и злом» [Там же, с. 89, 90].

Развивая мысль П.Б. Струве о взаимосвязи в умах русской интеллигенции идей социального равенства и личной безответственности¹, Бердяев в статье «К вопросу об интеллигенции и нации» (1908) привязывает к слову *ответственность* сущность ожидаемого им морального переворота русского общества и утверждает, что идея личной ответственности соответствует представлению о достоинстве человеческой личности, отражает в человеке образ Божий. Он особо подчеркивает, что чувство личной ответственности произрастает из того же морального корня, что и чувство коллективной ответственности, ответственности за судьбу своего народа и общества. Это подлинно христианское чувство должно стать основой религиозного национально-освободительного сознания русской интеллигенции – авангарда русского народа, так как «всякий народ-нация должен иметь свою интеллигенцию, носителей своих высших качеств, своего высшего морального сознания, своего интеллекта, своего дарования и знания, своего пророчества и правдоискательства» [7, с. 135]. Такой интеллигенции еще предстоит сформироваться, принадлежность к ней определяться

¹ П.Б. Струве высказался на эту тему в статье «Интеллигенция и народное хозяйство» (1908 г.).

будет исключительно *качествами личности*. Но если чувство ответственности займет подобающее ему высокое положение в русской общественной жизни, то в свете этого чувства идея *личности* окажется неразрывно связанной с идеей *нации*.

История и современное состояние России, указывает Бердяев, препятствуют ее моральному перерождению. «История приучила нас к безответственности. Русская бюрократическая государственность убивала чувство личной ответственности, а русская радикальная интеллигенция отражала в себе свойства исторической власти, ответственность за зло привыкла возлагать исключительно на эту власть. Моральная безответственность, принижающая саму идею личности, торжествовала по всем линиям...» [7, с. 133]. Когда-то передовым сословием в России было дворянство, с ним «был связан у нас единственно красивый быт, не мещанский быт» [8, с. 64], однако заслуги его «всегда были связаны с сословным самоотречением, свободным подчинением общенародной и общечеловеческой идее, заслуги эти были возвышением над ограниченным бытом своего сословия, преодолением классово-корыстной и вождельной» [6, с. 76], – говорит устами Бердяева пробудившийся в его душе славянофил. Деградация личностного начала в современной России в наибольшей степени затронула именно дворянство. Чувство личной ответственности и, следовательно, ответственности перед народом оказалось в нем размытым. Дворянство, сыгравшее важную роль в русской культуре, «позорно оканчивает свое существование», оно измельчало и разлагается как класс, «холопствует перед властью» ради защиты «своих жалких привилегий», все заслуги русского дворянства перед обществом принадлежат прошлому, ныне оно не имеет какой-либо общенациональной, сверхиндивидуальной и сверхсословной идеи, будущего у него нет [8, с. 63]; «масса дворян некультурна, корыстолюбива, чужда всяких идей, темна по своему сознанию и дичает окончательно по своим чувствам» [6, с. 77]. Аристократизм, по Бердяеву, не привилегия, а «долг, обязанность благородства, служение, noblesse oblige»; «аристократия внутренне существует как благородная порода, как рыцарский дух», и сегодня «некоторые черты рыцарского благородства» сохранились лишь в единичных представителях дворянства [Там же, с. 76].

Подлинный аристократизм органично вырастает из глубины человеческого духа, из стремления к сверхчеловеческим целям и готовности подчинить свои действия абсолютной божественной воле. Аристократичным может быть и крестьянство как покорный высшей воле органический уклад жизни, где чувствуется связь мимолетного настоящего с вечностью, и «народ-нация» как «живая реальность, действующая в истории, совершающая великие дела, наполняющая сердца людей трепетом и страстью» [7, с. 135]. «Аристократична та человеческая масса, которая мистическим

порывом покорности Богу была увлечена в крестовый поход, шла в таинственную даль освобождать Гроб Господень. Последний становился рыцарем Господним, воином Христовым и подымался до небес. Народная масса, как мистический организм, в котором все части подчинены высшему центру и иерархически соподчинены друг другу, никогда не бывает вульгарна, всегда возвышается над духом мещанства, благородна, устремлена вдаль и ввысь. Такая народная масса – покорна в своем отношении к Богу, молитвенна в своей основе, но мятежна в своем отношении к злу мира, рыцарски мужественна и воинственна в своей борьбе с рабством и необходимостью природного порядка» [3, с. 79]. Но народная масса, ввергнутая в пучину революции, духовно опустошается, утрачивает религиозные отношения к жизни. Органичный народный быт уходит в прошлое, его сменяет быт искусственный; революции создают новый быт, «быт отвратительный, наглый в своем самомнении и самодовольстве, мещанский до самых корней своих» [8, с. 64]. Серьезным уроком для России, предупреждает Бердяев, должны стать последствия западноевропейских революций, где всё органическое вытесняется механическим; то место, которое в общественной жизни принадлежало благородному рыцарю, оказалось занятым самодовольным мещанином: «Нужно молить Бога о спасении наших органических зачатков мировой свободы, свободы от мещанского быта, поработавшего самые культурные страны Европы» [Там же].

Бердяев убежден в том, что «Россия полна великих возможностей» [10, с. 112] и разделяет веру славянофилов «в великую миссию России и в особую её душу, враждебную западному мещанству» [11, с. 129]. С этой общечеловеческой, вселенской миссией несовместимы черты современной ему России – отсутствие в русском обществе «элементарного чувства ответственности личности за свою судьбу и судьбу своей родины» [10, с. 113], общественная дикость и некультурность, самолюбие русского человека и его склонность к произволу, неспособность к творчеству и внутреннее рабство. «Русский дух несет в себе семя новой и великой жизни, но, предоставленный себе, взятый отвлеченно, оторванный от культуры вселенской, он фатально превращается в дух самосожигания и самоистребления» [4, с. 17]. В революционных событиях нашли отражение как «высшие стороны нашего духа», так и низменные стороны привязавшейся к «царству кесаря» русской души.

Миссия России состоит в том, чтобы стать соединяющим звеном между Востоком и Западом, объединить в единое целое два потока мировой истории: «Россия стоит в центре Запада и Востока, как бы соединяет два мира, два разных устремления, две формы религиозности. Запад – человек, антропологичен, в нем освобождается и поднимается человеческая стихия, достигает культура человеческая своего высшего напряжения. Вос-

ток – сверхчеловечен и подчеловечен, в нем мало антропологии, в нем человеческая стихия растворена в Божестве и в природе. Восток распластался перед Божеством, Запад делает напряженное усилие подняться до Божества» [11, с. 130]. Дуализм мировой истории, противостояние Запада и Востока, отмечает Бердяев, преломилось в христианстве глубоким различием католичества и православия: «Католичество – антропологично, в нем много человеческого, человеческого усилия подняться вверх, вытянуться. Православие, хранившее святину, – божественно, в нем Бог сходил к людям, но активность человеческая в нем всегда была ничтожна» [Там же]. Но, поскольку основой христианского сознания является чувство личности, именно в России должен начаться процесс богочеловеческий, процесс воссоединения человечества в божественном.

Говоря о России, отечественный философ понимает в данном случае русскую нацию-народ, возвышающуюся над всяким сословием, всякой социальной группой. Он вступает в полемику с П.Б. Струве, который в статье «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества» (1908 г.), используя метод «отвлеченных начал» и руководствуясь гегелевским пониманием государства как адекватного выражения абсолютной идеи, связывает будущее России с усилением роли государства в жизни общества. «Государство, – настаивает Бердяев, – ни в каком смысле не может быть утверждаемо как некое существо: народ есть существо, и бытие этого существа вполне мыслимо без государственности, с упразднением этой функции, которая целиком зависит от исторических времен и сроков. <...> Государство можно ценить лишь исторически как подчиненную и временную функцию живого организма нации, его нельзя ценить абсолютно» [11, с. 126]. Субъектом истории государство быть не может, ее единственный субъект – личность, но человек, равно как и человечество, осуществляется лишь в конкретной национальности. Нация для Бердяева – это соборная личность, а государство – ее «подчиненная функция», «идол, ложный бог»: «Нация утверждает себя подобно личности, защищает себя от смерти и поглощения другими, это – святое самоутверждение, инстинкт жизни, данной свыше... <...> Страна становится великой, когда государственная власть – покорный слуга нации...» [Там же, с. 127]. *Бытие* России зависит от того, сумеет ли русский народ утвердить себя в качестве соборной личности, индивидуальности, призванной к особой миссии в истории человечества. Личностное начало в России должно быть вырвано их сковывающих ее объятий русского абсолютизма, языческого, как и всякая государственность, по своему происхождению; русское общество должно преодолеть многовековую дикость и отсталость, приобщиться к мировой цивилизации, достичь лучезарной вершины мировой культуры.

Культура и свобода, по Бердяеву, являются неотъемлемой составной частью христианской цивилизации Запада, дикость и отсталость – наследие Востока. Для того чтобы русский человек смог свободно определить себя в мире, Россия должна стать по-западному цивилизованной страной, а человек – по-западному ответственным и самостоятельным, «культурная западная плоть необходима для всех русских людей, что без минимума западной культуры Россия погибнет» [10, с. 113]. Бердяев говорит о необходимости завершить начатый Петром Великим процесс европеизации страны и бесповоротно приобщиться к мировой культуре, под которой понимает культуру Запада. Он убежден, что «только став европейской культурной страной, Россия в силах будет бороться с мировым мещанством» [11, с. 129].

Историю человечества, историю культуры отечественный мыслитель рассматривает как постепенное пробуждение творческой личности, поиск путей преодоления человеком привязанности к роду, своего рабского состояния. «Личность не от мира сего, и потому так трагична и мучительна ее судьба в мире сем, – утверждает Бердяев-романтик. – И всё, что было ценного, настоящего в истории мира, было *трансцендентно*, было жаждой перейти через грани этого мира, разбить замкнутый круг имманентности, было выходом в иной мир, проникновением иного мира в наш мир. Трансцендентное становится имманентно миру – вот в чем смысл мировой культуры. Всё творчество человеческое было томлением по трансцендентному, по иному миру, и никогда творчество не было закреплением радостей естественной родовой жизни, не было выражением довольства этим миром. Творчество было всегда выражением недовольства, отражением муки неудовлетворенности этой жизнью» [13, с. 237]. Перспектива выхода из «естественного порядка природы, злого и испорченного» четко обозначается христианством, ставящим человечество в центр мироздания, наделяющим человека свободой и достоинством. Когда мы обращаемся к истории, пишет Бердяев, «нужно держаться не за внешнюю историческую нить, а за внутреннюю, истинно реальную мистическую нить, связывающую нас и с Средними веками и с античностью в мистической их действительности, в их вечности, а не временности» [5, с. 22]. Именно история западной культуры демонстрирует нам становление личности. Античные и средневековые по историческому происхождению своему идеи и образы имеют непреходящее значение. Бердяев подчеркивает духовное единство античной и средневековой культуры, их трансцендентный характер: «величайшее в греческой культуре – философия Платона и греческая трагедия – было выходом из этого мира, сознанием недостаточности имманентно взятого мира, было уже путем к христианству»; основой всей средневековой культуры, где «была и любовь с культом Прекрасной Дамы, и искус-

ство, и философия, и рыцарство, и всенародные празднества», служило трансцендентное чувство [13, с. 237–238].

Россия как «европейская культурная страна» – это устремленность народа-нации к трансцендентному, актуализация мистической, религиозной связи с «вселенскими реальностями». Видеть в религии одну из сфер общественной жизни, специфическую область культуры, согласно Бердяеву, – предрассудок: «Религия – всё, религия – во всё, или она – ничто. Религиозное мироощущение выявляет глубину бытия во всё, как бы приоткрывает тайну творения» [5, с. 33]. Семена нового религиозного сознания, разбросанные по миру, русская культура должна выявлять, собирать и бережно возвращать. Сейчас, полагает Бердяев, пульс религиозной жизни мира бьется в России, «в ней развязываются старые, живые связи Церкви с государством и завязываются новые богочеловеческие связи» [11, с. 131]. Он верит, что общечеловеческий процесс религиозного возрождения начнется в России, в православии: «В православии хранилась святость божественного, человеческая же стихия была слабо выражена. В православии не было исторической динамики Запада, и эта слабость может стать религиозным преимуществом в тот час, когда исключительно человеческая динамика станет бессмысленной и начнется богочеловеческая динамика истории» [9, с. 266]. И это новое религиозное движение предполагает кардинальное внутреннее изменение российской действительности, воплощение в русском человеке идеала ответственной творческой личности, рыцарского идеала: «Появится, раньше или позже, новое рыцарство, возродятся в нем традиции старого аристократического благородства, превратится в нем мятеж избранных в высшую покорность Богу, во имя Которого начнется крестовый поход против зла. России нужны рыцарские ордена, нужны личности рыцарского закала» [5, с. 78].

Однако философское мирозерцание Бердяева персоналистично: всякий идеал, смысл бытия раскрывается лишь в конкретике человеческого существования, реализуется в полной мере посредством творческих усилий конкретной личности. В книге, посвященной А.С. Хомякову (1912 г.), этот расширенный идеал рыцаря преломляется сквозь призму «гранитной скалы» славянофильства. «Рыцарское отношение к Церкви редко можно встретить у нас и среди русского духовенства, и среди русского интеллигентного общества. Не хватает русским чувства церковного достоинства и чести, и слишком легко русские предадут свою святость во имя всяких идолов и кумиров» [1, с. 280–281], – с сожалением констатирует Бердяев важный для него аспект общественной жизни своей отчизны. Важно подчеркнуть, что Бердяев сущность христианства видит в свободе. Христианское послушание и жизнь в церкви считает несовместимыми с «рабскими страхами», принуждением. «Рабы в церковь не входят, входят лишь сыны,

– отмечает он в книге «Философия свободы» (1911 г.). – Церковь ждет от сынов своих верности матери, требует рыцарского к себе отношения; рыцарство же не есть рабство и рабству противоположно», но «недостает нам духа рыцарского» [12, с. 200, 218].

Хомяков был подлинным «рыцарем православия», одним из немногих исключений из правила. Бердяева пленяло отношение героя своей книги к православной церкви, где не было места для чего-либо «расслабленного, колеблющегося, неверного». В рыцарском отношении к Церкви сказывалась цельность природы Хомякова, вложенной им в религиозную жизнь: «Он прежде всего верный и твердый, в нем был камень церковный. Хомяков родился на свет Божий религиозно готовым, церковным, твердым, и через всю свою жизнь он пронес свою веру и свою верность» [1, с. 281]. Но рыцарские черты характера Хомякова составляли резкий контраст с его негативными оценками рыцарства. Хомяков не любил католичества и не понимал общество и культуру, выросшие на католической почве, отстаивал весьма примитивные схемы развития Запада; в сочинениях своих обращался лишь к внешнему, историческому рыцарству, видел в нем «грех европейских народов» и деградацию католической церкви. В рыцарстве, полагает Бердяев, лежит разгадка «интимных сторон» западноевропейской истории, и эти внутренние стороны оказались вне поля зрения Хомякова: «Есть образ рыцаря Христова, рыцаря Пресвятой Девы Марии, и образ этот нельзя исключительно связывать с дружинным началом, с духом завоеваний. Есть мистика рыцарства, вечная мистика. <...> Иерархическая идея средневековья была идея органическая и религиозная. Поэтому и в аристократии было начало органическое и религиозное» [1, с. 380]. Бердяев полемизирует со славянофильской концепцией отсутствия в российской истории завоеваний, «воинственной дружины» и присутствия ей аристократического духа, ведь «не такой уже мирный русский народ» создал самое большое государство в мире, подчинил многие народы; были в Древней Руси и «рыцари духа», например, св. Сергей Радонежский [Там же, с. 386]. «Не потому русский народ имеет христианское призвание, что не было в его истории... рыцарства. Наоборот, русскому народу не хватает рыцарства для осуществления своего христианского призвания в мире», – пишет Бердяев и выражает надежду, что «священное рыцарство призвано еще сыграть роль в судьбах России» [Там же, с. 385–386].

Таким образом, размышления философа над причинами и последствиями Первой русской революции привели к тому, что рыцарский идеал, с которым ранее он связывал формирование нового религиозного сознания, видел в нем альтернативу «мировому мещанству» и тотальной самодовлеющей государственности, содержательно расширился и был интегрирован в идею «великой миссии России» служить мостом между Востоком и Западом, стать основой богочеловечества.

Литература

1. Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков // Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли; Алексей Степанович Хомяков. – М.: АСТ, 2007. – С. 226–445.
2. Бердяев Н.А. Больная Россия // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции / сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 1998. – С. 89–99.
3. Бердяев Н.А. Бунт и покорность в психологии масс // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции / сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 1998. – С. 79–88.
4. Бердяев Н.А. Введение // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции / сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 1998. – С. 9–20.
5. Бердяев Н.А. Декадентство и мистический реализм // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции / сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 1998. – С. 22–34.
6. Бердяев Н.А. Из психологии русской интеллигенции // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции / сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 1998. – С. 67–78.
7. Бердяев Н.А. К вопросу об интеллигенции и нации // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции / сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 1998. – С. 133–141.
8. Бердяев Н.А. К психологии революции // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции / сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 1998. – С. 46–66.
9. Бердяев Н.А. Католический модернизм и кризис современного сознания // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции / сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 1998. – С. 248–268.
10. Бердяев Н.А. Мережковский о революции // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции / сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 1998. – С. 107–123.
11. Бердяев Н.А. Россия и Запад. Размышление, вызванное статьей П.Б. Струве «Великая Россия» // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции / сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 1998. – С. 124–132.
12. Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – С. 9–250.
13. Бердяев Н.А. Христос и мир. Ответ В.В. Розанову // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции / сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 1998. – С. 230–247.
14. Бойко В.А. Концептуальные основания рыцарского идеала Н.А. Бердяева: первые шаги // Идеи и идеалы. – 2017. – № 2 (32), т. 2. – С. 108–119.
15. Бойко В.А. Рыцарский идеал Н.А. Бердяева в книге «Новое религиозное сознание и общественность» // Идеи и идеалы. – 2017. – № 3 (33), т. 2. – С. 94–107.

Статья поступила в редакцию 26.02.2018 г.

Статья прошла рецензирование 18.03.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-51-63

THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION AND THE DEVELOPMENT OF N.A. BERDYAEV'S KNIGHTLY IDEAL

Boyko Vladimir,*Cand. of Sc. (Cultural Studies),**Associate professor, Institute of Philosophy and Law of SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

ORCID: 0000-0002-0365-5171

vboyko100@gmail.com

Abstract

The knightly ideal has an essential impact on N.A. Berdyaev's creativity. The Russian philosopher connects updating of Christianity and all sides of public life to the revival of knightly spirit and he opposes the future knightly war for the liberation of a person to false forms of social struggle. In his articles devoted to the First Russian revolution (1905–1907), Berdyaev considers topical problems of the modern world in the context of the Russian reality. He connects the essence of the expected moral transformation of Russian society with the concept of *responsibility*, underlines that the feeling of private responsibility grows from the moral root identical to the feeling of collective responsibility, responsibility for the destiny of the whole society and people. Berdyaev believes in the great historical mission of Russia – to become a connecting link between the East and the West, to unite into a single whole two streams of world history. For the sake of this mission the Russian society should overcome centuries-old savagery and backwardness, to join the world civilization. The idea of knightly service and the image of the knight are crucially important for the history of personal formation. Russia's great mission demands qualitative changes of national consciousness and being. The ideal of the responsible creativity, the knightly ideal should be realized in the Russian person.

Keywords: Russian philosophy, responsibility, person, nation, Russia, history, God-manhood.

Bibliographic description for citation:

Boyko V. The First Russian Revolution and the development of N.A. Berdyaev's knightly ideal. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 2, vol. 1, pp. 51–63. doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-51-63.

References

1. Berdyaev N.A. Aleksei Stepanovich Khomyakov. Berdyaev N.A. *Konstantin Leont'ev. Ocherk iz istorii russkoi religioznoi mysli; Aleksei Stepanovich Khomyakov* [Konstantin Leont'ev: an essay out of the Russian religious thought's history. Aleksei Stepanovich Khomyakov]. Moscow, AST Publ., 2007, pp. 226–445.

2. Berdyaev N.A. Bol'naya Rossiya [A Sick Russia]. Berdyaev N.A. *Dukhovnyi krizis intelligentsii* [The Spiritual Crisis of the Intelligentsia]. Sapov V.V., comp. and comment. Moscow, Kanon+ Publ., 1998, pp. 89–99.
3. Berdyaev N.A. Bunt i pokornost' v psikhologii mass [Rebellion and submission in the psychology of the masses]. Berdyaev N.A. *Dukhovnyi krizis intelligentsii* [The spiritual crisis of the intelligentsia]. Sapov V.V., comp. and comment. Moscow, Kanon+ Publ., 1998, pp. 79–88.
4. Berdyaev N.A. Vvedenie [Introduction]. Berdyaev N.A. *Dukhovnyi krizis intelligentsii* [The spiritual crisis of the intelligentsia]. Sapov V.V., comp. and comment. Moscow, Kanon+ Publ., 1998, pp. 9–20.
5. Berdyaev N.A. Dekadentstvo i misticheski realizm [Decadentism and mystical realism]. Berdyaev N.A. *Dukhovnyi krizis intelligentsii* [The spiritual crisis of the intelligentsia]. Sapov V.V., comp. and comment. Moscow, Kanon+ Publ., 1998, pp. 22–34.
6. Berdyaev N.A. Iz psikhologii russkoi intelligentsii [On the psychology of the Russian intelligentsia]. Berdyaev N.A. *Dukhovnyi krizis intelligentsii* [The spiritual crisis of the intelligentsia]. Sapov V.V., comp. and comment. Moscow, Kanon+ Publ., 1998, pp. 67–78.
7. Berdyaev N.A. K voprosu ob intelligentsii i natsii [The question concerning the intelligentsia and the nation]. Berdyaev N.A. *Dukhovnyi krizis intelligentsii* [The spiritual crisis of the intelligentsia]. Sapov V.V., comp. and comment. Moscow, Kanon+ Publ., 1998, pp. 133–141.
8. Berdyaev N.A. K psikhologii revolyutsii [As to the psychology of the revolution]. Berdyaev N.A. *Dukhovnyi krizis intelligentsii* [The spiritual crisis of the intelligentsia]. Sapov V.V., comp. and comment. Moscow, Kanon+ Publ., 1998, pp. 46–66.
9. Berdyaev N.A. Katolicheski modernizm i krizis sovremennogo soznaniya [Catholic modernism and the crisis of the contemporary consciousness]. Berdyaev N.A. *Dukhovnyi krizis intelligentsii* [The spiritual crisis of the intelligentsia]. Sapov V.V., comp. and comment. Moscow, Kanon+ Publ., 1998, pp. 248–268.
10. Berdyaev N.A. Merezhkovskii o revolyutsii [Merezhkovsky concerning the revolution]. Berdyaev N.A. *Dukhovnyi krizis intelligentsii* [The spiritual crisis of the intelligentsia]. Sapov V.V., comp. and comment. Moscow, Kanon+ Publ., 1998, pp. 107–123.
11. Berdyaev N.A. Rossiya i Zapad. Razmyshlenie, vyzvanoe stat'ei P.B. Struve "Velikaya Rossiya" [Russia and the West. The reflection caused by articles by P.B. Struve "Great Russia"]. Berdyaev N.A. *Dukhovnyi krizis intelligentsii* [The spiritual crisis of the intelligentsia]. Sapov V.V., comp. and comment. Moscow, Kanon+ Publ., 1998, pp. 124–132.
12. Berdyaev N.A. Filosofiya svobody. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorчества* [The philosophy of freedom. The meaning of the creative act]. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 9–250.

13. Berdyaev N.A. Khristos i mir. Otvet V.V. Rozanovu [Christ and the world. Reply to V.V. Rozanov]. Berdyaev N.A. *Dukhovnyi krizis intelligentsii* [The spiritual crisis of the intelligentsia]. Sapov V.V., comp. and comment. Moscow, Kanon+ Publ., 1998, pp. 230–247.

14. Boyko V.A. Kontseptual'nye osnovaniya rytsarskogo ideala N.A. Berdyaeva: pervye shagi [The conceptual bases of N.A. Berdyaev's knightly ideal: the first steps]. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2017, no. 2 (32), vol. 2, pp. 108–119.

15. Boyko V.A. Rytsarskii ideal N.A. Berdyaeva v knige “Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost” [The knightly ideal of N.A. Berdyaev in his book “New religious consciousness and society”]. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2017, no. 3 (33), vol. 2, pp. 94–107.

The article was received on 26.02.2018.

The article was reviewed on 18.03.2018.